

★ Бѣглыя замѣтки.

Когда появилась афиша, извѣщавшая публику, что около выставки въ зданіи „Картины Врубеля“ имѣеть быть первый общедоступный концертъ, публика скептически отнеслась къ этому.

— Картины Врубеля? Концертъ? Ага, понимаемъ! Навѣрное Вагнеромъ будутъ угощать. Или вообще что-нибудь этакое... новое въ духѣ картинъ. Не пойду.

И не пошла, хотя если-бы она прочитала программу, то, можетъ-быть, и пошла-бы. Программа концерта была старая. Пѣли изъ Онѣгина и изъ „Жизни за Царя“ и пѣли недурно. И если-бъ публика была на этомъ концертѣ, я лишился-бы очень оригинальнаго удовольствія слушать концертъ, который исполнялся исключительно для меня. Публикой былъ я и сами исполнители, которыхъ нельзя считать публикой, хотя они и сходили съ эстрады на мѣста для публики и аплодировали своимъ товарищамъ.

Было очень пріятно смотрѣть, какъ гг. Томарсъ и Буренинъ поютъ, а хоръ сидитъ и, изображая публику, — хлопаетъ артистамъ. Поетъ г. Волжинская — и ей хлопаютъ. Резонансъ — оглушительный. „Принцесса Греза“ такъ и дрожитъ, когда г. Томарсъ пуститъ въ ходъ всѣ свои голосовыя средства. Да, на концертѣ было пустынно, но весело. Артисты смѣются, хористы тоже смѣются, я самъ хотѣлъ смѣяться, но такъ какъ я одинъ былъ всей публикой въ залѣ, то сдержался, желая быть корректнымъ и показать гг. исполнителямъ, какая иногда публика бываетъ тихая и смиренная, несмотря на то, что сами исполнители такъ кричатъ, какъ будто они дома, а не передъ публикой. Попѣли, сколько по программѣ слѣдовало, и ушли. И я ушелъ обзрѣвать около выставочную территорию.

Около выставки право не менѣе диковинокъ, чѣмъ на самой выставкѣ. Есть, напримеръ, дама съ бородой и со свидѣтельствомъ, удостовѣряющимъ, что борода у нея не фальсифицированная. Посмотрѣть на нее стоитъ гривенникъ и потомъ можно заплатить рубль лишь-бы не видѣть ее никогда болѣе. Есть „живыя фотографіи“ „только для взрослыхъ“. Почему именно для взрослыхъ? А потому, что фотографіи изображаютъ такіе сюжеты какъ „Жемчужина гарема“ и „Послѣ купанья“. Есть „Нана“, которой не слѣдовало-бы подходить съ ярмарки такъ близко къ мѣсту торжества русской промышленности. А впрочемъ? Есть блины, дипломированные въ Лионѣ. Они пекутся тутъ-же на чистомъ воздухѣ безъ всякой крыши надъ ними, въ печкѣ, не имѣющей ничего общаго съ печкой и даже, кажется, безъ огня въ ней. Съ виду лионскіе блины похожи на вафли. Противъ нихъ, на землѣ сырой, помѣстились какіе-то коричневые пироги, которые совсѣмъ ни на что не похожи.

Всюду рестораны, буфеты и лавочки, въ которыхъ продаютъ самарскія шляпы изъ соломы, цейлонскій чай, баварскій квасъ, рижское пиво; датскіе домики, бенгальскіе тигры, синематографъ, бѣлье изъ бумаги, кавказскія трости, крымскіе фрукты, фонографъ... Цѣлая маленькая ярмарка поражающая своей интернаціональностью. Едва ли на земномъ шарѣ есть страна, въ которой было-бы такъ много всего датскаго, шведскаго, нѣмецкаго, французскаго, англійскаго. Я увѣренъ, что только у насъ можно встрѣтить шведскія спички, американскихъ чертей, французскую болѣзнь и англійскихъ клоуновъ, въ такомъ удивительномъ распространеніи. Замѣчательно, что кавказскіе армяне нашли около выставки мѣсто для сбыта своихъ тростей и серебра. Но ни одинъ изъ русскихъ кустарныхъ промысловъ не фигурируетъ среди этого интернаціональнаго базара, кромѣ московскихъ пироговъ и карманныхъ жуликовъ.

Возвращаясь къ концерту не могу не отмѣтить того факта, что онъ несмотря на свою общедоступность является какъ-бы излишнимъ. Дѣло въ томъ, что у насъ „слишкомъ много музыки“. Двѣ оперы, Главачъ, Падуріано, балалаечники, бухарцы, нишія дѣти, хорваты и еще двадцать всевозможныхъ оркестровъ — можно оглохнуть отъ такого обилія музыки такой хорошей и дешевой.

Было-бы, пожалуй, лучше, если-бъ въ зданіи „картины Врубеля“ публикѣ предложили что-нибудь другое, вроде, напримеръ,

чтенія пьесы Ростана или какихъ-либо объяснительныхъ чтеній по искусству живописи и т. д. Это было-бы и болѣе интересно, и — несомнѣнно, болѣе полезно.